

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Л 38

Ursula K. Le Guin
ROCANNON'S WORLD
PLANET OF EXILE
CITY OF ILLUSIONS
THE LEFT HAND OF DARKNESS
THE WORLD FOR WORLD IS FOREST
COMING OF AGE IN KARHIDE
WINTER'S KNIG
VASTER THAN EMPIRES AND MORE SLOW
THE SHOBIES STORY
DANCING TO GANAM
ANOTHER STORY, OR A FISHERMAN OF THE INLAND SEA
SOLITUDE
THE MATTER OF SEGGRI
UNCHOSEN LOVE
MOUNTAIN WAYS
THE BIRTHDAY OF THE WORLD

Copyright © Ursula K. Le Guin

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis
Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского

Ольги Васант, Ирины Гуровой, Андрея Новикова, Элеоноры Раткевич,
Сергея Славгородского, Даниэля Смушковича, Владимира Старожильца,
Ирины Тогоевой, Сергея Трофимова

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана

Иллюстрации Сергея Григорьева

© О. И. Васант, перевод, 2021
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1980
© А. В. Новиков, перевод, 1998, 2003
© Э. Г. Раткевич, перевод, 2021
© С. А. Славгородский, перевод, 1997

© Д. М. Смушкович, перевод, 2021
© В. Е. Старожилец, перевод, 2021
© И. А. Тогоева, перевод, 1992, 1997
© С. П. Трофимов, перевод, 2021
© С. А. Григорьев, иллюстрации, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19474-8

Мир Роканнона

Пролог ОЖЕРЕЛЬЕ

Как в мире, невероятно далеком от нашего, отличить сказку от реальности? Ведь мы не знаем даже названий многих планет, обитатели которых говорят просто: «Это наш мир». И в мире этом еще нет науки Истории, здесь прошлое лишь объект мифа, здесь инопланетный исследователь, вернувшись через несколько лет, обнаруживает, что успел стать для местных жителей богом. Здесь разум еще спит, и когда мы, явившись на своих невероятно быстрых космических кораблях, пытаемся принести сюда свет знаний наших миров, в неверном еще свете этом начинают бурно расти, точно сорняки в поле, сумеречные суеверия и разнообразные преувеличения.

Пытаясь рассказать историю одного ученого из Лиги Миров, отправившегося в такой вот безмятный и мало еще исследованный мир, чувствуешь себя археологом среди древних руин: то приходится с трудом продираться сквозь сплетение веток, листьев и лиан, поглотивших развалины; то тебе вдруг попадается идеальное с точки зрения геометрии колесо или до блеска отполированный угловой камень дивного строения; то мелькнет перед тобой раскрытая дверь, а за ней, в полутьме — теплое мерцание очага, блеск драгоценного камня, едва заметный взмах женской руки...

Как отличить действительность от мифа, как отличить одну истину от другой?

Вся жизнь Роканнона озарена была мимолетной вспышкой синего огня, заключенного в старинном ожерелье. Что ж, с этого мы, пожалуй, и начнем.

Восьмой галактический сектор, № 62, система Фомальгаут-II.

Обнаружены Формы Высокоразвитого Интеллекта (ФВИ). Контакт состоялся со следующими представителями:

1. а) Гдемьяр (единственное число — гдем): интеллект высоко развит; гуманоиды, ведущие ночной образ жизни; троглодиты, обитают

в пещерах; рост 120–135 см, кожа светлая, волосы темные. Социальное устройство: в момент Контакта их общество имело жесткую олигархическую структуру; гдемьяр проживают главным образом в городских общинах, скрепленных частичной телепатией (в пределах данной конгломерации). Культура: начало железного века, ориентация на технологическое развитие. В 252–254 гг. Лига искусственно подняла уровень их развития до Индустриального-С. В 254 г. олигархам Кириенского побережья был подарен автоматически пилотируемый корабль, способный совершать полеты Фомальгаут — Новая Южная Джорджия (и обратно). Статус С-прим.

б) Фийя (единственное число — фийян): интеллект высоко развит; гуманоиды; ведут обычный, дневной образ жизни; средний рост 130 см, волосы чаще всего светлые, кожа тоже светлая. Насколько можно судить по беглым наблюдениям во время Контакта, живут сельскими общинами и номадами, внутри которых отмечена частичная телепатическая связь. Также вполне возможна некоторая способность к телекинезу. К технологическому развитию, по всей видимости, не склонны; избегают контактов, внешние признаки культурного развития удалось выявить недостаточно. В настоящее время обложение фийя налогами представляется невозможным. Предположительно Статус Е.

2. Лийяр (единственное число — лиу): интеллект высоко развит; гуманоиды; дневной образ жизни; средний рост более 170 см; классовое феодальное общество, устроенное по принципу «замок — деревня»; культура — бронзовый век (без тенденции к дальнейшему развитию), героический эпос. Примечание: два «горизонтальных» псевдоподвида: а) ольгьяр (единственное число — ольгья), или «низкорослые», — светлокожие и темноволосые; б) ангьяр (единственное число — ангья), или «повелители», — очень высокие, темнокожие и светловолосые...

— Вот она, — сказал Роканнон, заглянув в карманный «Краткий словарь ФВИ», и указал на очень высокую темнокожую женщину с золотистыми волосами, уложенными короной надо лбом. Застыв посреди длинного зала, она неотрывно смотрела на какой-то экспонат под стеклом, а возле нее неловко переминались с ноги на ногу четыре карлика, довольно-таки неприятные на вид.

— Вот уж не знал, что в системе Фомальгаут-II, кроме тех троглодитов, есть еще какие-то народы, — откликнулся Кето, хранитель музея.

— Я тоже не знал. А там, оказывается, есть еще и много таких, чье существование, как гласит словарь, «пока не подтверждено». Их пока

никто из исследователей даже не видел. Пора, пора заняться этой планетой повнимательней! Что ж, теперь мы, по крайней мере, знаем, откуда она.

— Хорошо б еще узнать, кто она такая!..

Она была из старинного королевского рода, потомок первых правителей ангьяр, однако семья ее обеднела, и в наследство Семли досталось лишь золото прекрасных волос, сиявших ясным немеркнущим светом. Маленькие фийя почтительно склонялись перед ней, когда она босиком носилась по полям — легконогое дитя народа ангьяр с пышной и яркой, точно комета, гривой светлых волос, развевавшихся на ветру Кириена.

Она была еще совсем девочкой, когда Дурхал Халланский увидел ее, влюбился, сделал своей женой и увез из полуразрушенного замка, где гуляли сквозняки, к себе в Халлан. В Халлане, построенном высоко на горе, тоже было не слишком уютно. Впрочем, Семли с детства привыкла к тому, что окна в замке без стекол, каменные полы не застелены коврами, а зимой по утрам под каждым окном наметает полоску снега. Юная жена Дурхала бесстрашно ступала босыми узенькими ступнями на ледяной пол и, со смехом поглядывая в серебряное зеркало на мужа, принималась заплетать и укладывать в сложную прическу пламень своих волос. Зеркало это, висевшее на стене их спальни, да свадебное платье матери Дурхала, расшитое тысячами крошечных прозрачных бисеринок, составляли все их богатство. Хотя даже среди обитателей замка кое у кого из родичей Дурхала, куда менее знатных, чем он, сундуки были полны богато расшитой одежды, имелась и позолоченная мебель, и серебряная упряжь, и прекрасные доспехи, и мечи в серебряных ножнах, и множество драгоценностей — все это не слишком нравилось жене молодого Дурхала, но она с завистью посматривала на усыпанную самоцветами диадему или золотую брошь, даже если владелица их почтительно уступала ей дорогу, склоняя голову перед благородством и величием ее рода и рода ее супруга.

Четвертыми от трона правителя Халлана сидели во время трапез Дурхал и жена его Семли — так близко от старика, что он нередко сам наливал Семли вино, беседуя со своим племянником и наследником Дурхалом об охоте; старый Хозяин Халлана поглядывал на юную пару любовно, хотя и мрачновато: самому ему уже надеяться было не на что. Впрочем, многие обитатели Халлана, да и Западных Земель, вообще почти перестали уповать на будущее — с тех пор, как в их мире появились Властелины Звезд со своими странными летающими домами, испускавшими столбы огня, и со своим ужасным оружием, что в один миг сравнивало с землею холмы. Властелины Звезд

нарушили все древние военные законы, не соблюдали установленно-го перемирия и опозорили ангьяр данью — пусть небольшой! — обязав их платить ее во имя какой-то войны с неведомым врагом, притаившимся якобы между звезд, на дальнем конце времен. «Это будет и ваша война», — твердили ангьяр Властелины Звезд, однако уже много лет ангьяр не вели вообще никаких военных действий, не производили набегов, а проводили время в праздности, сидя в парадных залах своих замков и глядя, как ржавеют их мечи; и сыновья их вырастали, так и не нанеся порой ни одного удара врагу, а дочери вынуждены были выходить замуж за бедняков, даже за «низкорослых», ибо у них не было достойного приданого, добытого их отцами и братьями в героическом бою. Печально глядел старый правитель Халлана на золотоволосую пару, слушая, как Семли и Дурхал шутят и смеются, прихлебывая горьковатое вино в холодном, величественном, однако сильно обветшавшем уже парадном зале замка, издавна принадлежавшего их роду.

Семли мрачнела лишь тогда, когда видела сидевших на куда менее почетных, чем у нее, местах всяких «полукровок» и «низкорослых», в темных волосах и на белой коже которых сверкали драгоценные камни. Сама она в приданое не получила даже серебряной заколки для волос. А расшитое бисером платье — подарок матери Дурхала — сразу после свадьбы спрятала в сундук: подарит дочери, если у нее когда-нибудь родится девочка.

И у них действительно родилась дочь, и они назвали ее Хальдре, и вскоре золотистый пушок на темнокожей головке малышки превратился в роскошь золотых кудрей — иным золотом Хальдре владеть, видно, было уже не суждено...

Семли не рассказывала мужу о своих страданиях. Дурхал был с нею очень нежен и мягок, однако в гордости своей испытывал лишь презрение к зависти и суетным, тщеславным желаниям, и Семли боялась, что он ее осудит. Зато она могла поговорить об этом с Дуроссой, сестрой Дурхала.

— Когда-то у нас в семье из поколения в поколение передавалось дивное сокровище, — сказала она. — Золотое ожерелье с огромным синим самоцветом — по-моему, это был сапфир.

Дуросса только плечами пожала и улыбнулась. Она тоже плохо разбиралась в драгоценных камнях. Стояло теплое лето, точнее, конец того периода, который северные ангьяр называют летом, — самая приятная часть долгого, восьмисотдневного года, начало которого отмечалось во время равноденствия. Семли такое летоисчисление казалось чуждым; она считала, что его выдумали здешние «низкорослые». На ней ее род кончался; родственники тоже не имели наследников мужского пола, однако Семли знала, что происходит из куда

более благородной семьи, чем любая из здешних; жители этих заброшенных равнин слишком часто вступали в браки с «низкорослыми», и Семли их осуждала. Она сидела сейчас рядом с Дуроссой на залитой солнцем широкой скамье перед окном. Покои Дуроссы находились в Большой Башне, высоко над землей. Дуросса овдовела совсем молодой, детей у нее не было, и ее выдали замуж второй раз — за собственного дядю, брата ее отца, бывшего правителем Халлана. Поскольку брак был родственным и вторым для обеих сторон, Дуросса не получила титула Хозяйки Халлана, который в будущем должна была получить Семли. Но на троне сидела рядом с мужем и вместе с ним управляла его владениями. Дурхал был ее младшим братом, и она без памяти любила его молодую жену и очаровательную светловолосую дочурку.

— За это ожерелье заплатили всем, что получил мой предок Лейнен, когда завоевал Южные Владения, — мечтательно продолжала Семли. — Огромную сумму — стоимость целого королевства! — за одно украшение. Ты только подумай! Ах, оно, несомненно, затмило бы блеск всех украшений за столом Халлана! Даже те красивые камешки, похожие на яйца птиц кооб, которые носит твоя двоюродная сестра, рядом с ним померкли бы. Оно было так прекрасно, что даже имя получило — его называли «Око моря». Моя прабабушка еще успела его поносить...

— А ты никогда его не видела? — спросила Дуросса, лениво поглядывая на раскинувшиеся внизу зеленые склоны гор, овеваемые жаркими беспокойными ветрами долгого, долгого лета. Ветры бродили по зеленым лесам, а потом по белым дорогам туманов уносились к далеким морским берегам.

— Нет. Оно пропало еще до моего рождения. Хотя нет, не пропало. Отец говорил, что его украли — еще до того, как в нашем мире появились эти Властелины Звезд. Вообще-то, он говорить об этом не любил, но у нас в замке была одна старуха из «низкорослых», у которой голова была битком набита всяческими историями, так вот она мне всегда твердила, что фийя-то уж точно знают, где это ожерелье.

— Хотелось бы мне на этих фийя поглядеть! — воскликнула Дуросса. — О них столько песен и всяких легенд сложено! Интересно, почему они никогда не появляются в Западных Землях?

— Наверное, здесь слишком высоко, да и холодновато для них, особенно зимой. А они очень любят солнце — вот и живут в южных долинах.

— А на «глиняных» они похожи?

— Я «глиняных» сама ни разу не видела; у нас, на юге, они стараются держаться подальше от ангьяр. По-моему, они похожи на ольгьяр — такие же светлокожие, — только куда безобразней. А фийя

светловолосые и похожи на детей, только еще меньше и тоньше, но куда мудрее. Интересно, а вдруг они и правда знают, где это ожерелье и кто его украл? Ты только представь, Дуросса: я захожу в парадный зал Халлана и сажусь рядом со своим мужем, а на шее у меня прекрасное ожерелье, стоимостью в целое королевство! Да я бы всех женщин сразу затмила, как мой супруг затмевает всех других мужчин!

Но Дуросса, склонившись к малышке, что сидела на звериной шкуре у ног матери и тетки и внимательно изучала собственные ножонки с крохотными пальчиками, лишь вполголоса пробормотала, словно обращаясь к девочке:

— Семли у нас совсем глупенькая, верно? Краса ее сверкает, точно падающая звезда, и мужу ее никакого золота не нужно, кроме золотых ее волос...

Но Семли, скользя взглядом по зеленым, нагретым летним солнцем склонам гор и в мечтах уносясь к морю, возражать ей не стала.

Миновала еще одна зима, и снова явились Властелины Звезд, собирая дань для своей непонятной бесконечной войны, — на этот раз они привели с собой в качестве переводчиков двух отвратительного вида «глиняных», и ангьяр, чувствуя себя бесконечно униженными, были настолько этим возмущены, что чуть не восстали. Потом снова настало лето, и прошло, и Хальдре подросла и стала прелестной маленькой болтушкой, и однажды утром Семли принесла девочку в залитые солнцем покои Дуроссы в Большой Башне и сказала:

— Присмотри, пожалуйста, за Хальдре, Дуросса. — Она была одета в старенький синий плащ, а золотые волосы ее скрывал капюшон. Говорила и двигалась она, пожалуй, чересчур торопливо, но лицо ее было спокойно. — Меня всего несколько дней не будет. Присмотришь? Я на юг собралась, в Кириен.

— К отцу?

— Нет, хочу отыскать свое наследство. Двоюродные братья Дурхала насмеются над ним. Даже этот «полукровка» Парна из Харгета считает, что имеет на это право! А все потому, что у его жены есть атласное покрывало и бриллиантовая сережка в ухе, да нарядных платьев целых три штуки, хотя физиономия у этой черноволосой потаскухи точно из сырого теста! Тогда как жене благородного Дурхала приходится на свое единственное платье заплатки ставить...

— Разве Дурхалу важно, что надето на его жене, которой он так гордится?

Но Семли будто не слышала.

— Правители Халлана выглядят теперь беднее собственных гостей! Нет, я непременно принесу своему мужу и повелителю такое приданое, какое подобает женщине из моего рода!

— Опомнись, Семли! А брат мой знает, куда ты собралась?

— Скажи ему только, что я скоро вернусь и все будет хорошо, — сказала, смеясь, юная Семли, быстро наклонилась, поцеловала дочь и, прежде чем Дуросса успела еще что-то сказать, повернулась и полетела прочь по залитым солнцем каменным плитам пола.

Замужние женщины ангъяр ездили верхом лишь при необходимости, и Семли, выйдя замуж, так ни разу и не покидала замка Халлан; так что теперь, садясь в высокое седло, она вновь почувствовала себя девчонкой с буйным нравом, носившейся некогда вместе с северными ветрами над полями Кириена верхом на полудиких крылатых хищниках. Тот Крылатый, что сейчас уносил ее с высот Халлана, был породистым, могучим зверем с полосатой лоснящейся шкурой и зелеными глазами, жмурившимися от сильного ветра. Его широкие легкие крылья то закрывали, то снова приоткрывали перед Семли раскинувшиеся внизу холмы и облака над ними.

На третье утро она добралась до Кириена. Вновь перед ней были знакомые полуразрушенные стены, и отец ее, пивший всю ночь, как всегда, злился, что солнце, пробиваясь сквозь дыры в кровле, мешает ему спать. При виде дочери он рассердился еще больше.

— Ты зачем это сюда явилась? — прорычал он, стараясь спрятать взгляд опухших от пьянства глаз. Когда-то золотистые, а теперь отвратительно седые, тусклые пряди его волос стояли на черепе дыбом. — Разве этот юнец из Халлана — не муж тебе, что ты домой притащилась?

— Дурхал мне муж, и пришла я за своим приданым, отец.

Пьяница только пробурчал что-то, но она так весело и необидно рассмеялась, глядя на него, что он и сам невольно скривил рот в улыбке и поднял на нее глаза.

— Скажи, отец, это правда, что ожерелье «Око моря» украли фийя?

— Мне-то откуда знать? Сказки все это. А эта штуковина исчезла еще до того, как я родился. Впрочем, лучше б мне и вовсе не родиться! А ты, коли хочешь, самих фийя спроси. Ступай, ступай к ним. Или к мужу возвращайся. Только меня в покое оставь. Тут, в Кириене, не место для девиц, для золотых украшений и прочей чепухи. Кириену теперь конец; здесь и так одни развалины остались, в парадном зале ветер гуляет. Все сыновья Лейнена мертвы, все их сокровища пропали, все, все прахом пошло... Ступай своей дорогой, девочка.

Седой, опухший, похожий на тех пауков, что селятся в заброшенных жилищах, он потащился к подвалу, где, видно, прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого зверя, вышла Семли из старого своего дома и побрела вниз по крутому склону холма, мимо деревни ольгъяр, которые хоть и поглядывали на нее сердито, но кланялись до-

вольно почтительно. На пастбище паслись полудикие Крылатые с подрезанными крыльями. Семли спустилась в веселую, точно расписная миска, долину, до краев наполненную солнечным светом. Деревня фийя была на самом дне этой «миски», и маленькие хрупкие фийя уже выбегали из домов и садов навстречу Семли, осторожно ведущей в поводу своего зверя; фийя смеялись и радостно приветствовали ее тоненькими, еле слышными голосами:

— Рады видеть тебя, супруга молодого Дурхала, наследница Халлана, правительница Кириена! Здравствуй, Семли Золотоволосая! Здравствуй, Оседлавшая Ураган!

Они называли Семли всякими ласковыми прозвищами, и ей это было приятно, и ее совсем не раздражал их бесконечный смех, потому что смеялись они надо всем, в том числе и над собой. Она и сама была похожа на них — такая же веселая и смешливая. Только сейчас она высилась посреди их деревни в своем синем плаще, а фийя скакали вокруг, образуя маленькие водовороты, точно ручей у запруды.

— Приветствую вас, Солнечный Народ! Здравствуйте, фийя, друзья мои!

Они повели ее в один из своих воздушных домиков; множество крохотных ребятишек бежало следом. Возраст взрослого фийяна определить невозможно. Порой трудно даже сразу отличить одного от другого — так быстро они мелькают вокруг, точно мотыльки, собравшиеся на свет свечи. Семли даже казалось, что она разговаривает со всеми разом, а не с кем-то одним, хотя это было совсем не так. Видимо, разговаривал с ней все же кто-то один, а остальные кормили и ласкали ее Крылатого, тащили ей фрукты из своих садов и холодную родниковую воду и вообще всячески старались ей угодить.

— Никогда! — воскликнул тот фийян, которому она задала свой вопрос. — Никогда не крали фийя ожерелья, принадлежавшего правителям Кириена! Да и что фийя стали бы делать с золотым украшением, госпожа моя? Летом у нас есть золото солнца, а зимой — воспоминания о нем. А еще у нас есть золотые плоды и золотая листва, когда лето сменяется зимою, и золотистые волосы нашей госпожи Семли из Кириена. Разве нужно нам что-то еще?

— Так, может, его «низкорослые» украли?

Долго звенел после этих ее слов легкий смех фийя.

— Да разве они осмелятся? О, правительница Кириена! Никто не знает, как пропало знаменитое ожерелье, — ни ангьяр, ни ольгьяр, ни фийя, ни один из Семи Народов. Лишь мертвые могут помнить, как это случилось в давние времена, когда Кирли Гордый, прадед нашей Семли, гулял в одиночестве по берегу моря близ пещер... Но, может, оно и найдется еще у Тех, Кто Ненавидит Солнце.

— У «глиняных»?

Снова зазвенел смех фийя, только на сей раз какой-то нервный.

— Сядь с нами, Семли, солнцезолосая, вернувшаяся к нам с севера, поешь! — И она села с ними за стол, и ей было приятно их легкое гостеприимство, а они радовались ее искренней приветливости, но стоило ей снова заговорить о том, что если ожерелье у «глиняных» в пещерах, то она пойдет к ним и заберет свое наследство, как смех фийя начал стихать, а сами они, один за другим, стали как-то незаметно исчезать из-за стола, пока рядом с Семли не остался только один — тот, с кем она говорила до начала этого веселого застолья.

— Не ходи к «глиняным», Семли, — сказал он, и на мгновение сердце у нее будто остановилось, а вокруг все потемнело — это фийян в ужасе медленно прикрыл глаза своею тонкой рукой. И сразу яркие сочные плоды на деревянном блюде показались ей серыми, будто пепельными, а родниковая вода исчезла из всех сосудов.

— Далеко-далеко в горах разошлись некогда наши пути, — продолжал хрупкий собеседник Семли. — Да, фийя и гдемьяр давно расстались, хотя были вместе куда дольше. Ведь в гдемьяр есть то, чего нет в нас, фийя. А то, что есть в нас, им совершенно несвойственно. Подумай о солнечном свете, о зеленой траве, о дающих плоды деревьях, Семли. Подумай, что не все дороги, что ведут вниз, могут привести и наверх.

И фийян поклонился ей, чуть усмехнувшись.

За околицей деревни Семли вновь оседлала своего Крылатого и, громко крикнув «Прощайте!» провожавшим ее фийя, полетела, гонимая полуденным ветром, к скалистым берегам Кириенского моря, где жили в своих пещерах «глиняные».

Ее мучил страх — вдруг придется самой идти вглубь этих пещер, потому что гдемьяр не захотят выходить к ней? Говорят, они боятся не только солнечного света, но даже и лунного, даже свет Большой Звезды им неприятен... Путь ее был долог; лишь раз опустила она на землю Крылатого, чтобы зверь поохотился на древесных крыс. Сама же Семли удовольствовалась куском хлеба из седельной сумы. Хлеб совсем зачерствел и пахнул кожей, но вкус у него пока еще был хлебный, домашний, и она, сидя в одиночестве на лесной поляне, вдруг будто снова оказалась в зале Халлана, услышала негромкий спокойный голос Дурхала, увидела перед собой его лицо, освещенное горящими свечами, и так живо вспомнила она его, такого решительного, живого и молодого, что сразу представила себе, как вернется домой с ожерельем на шее, цена которому — целое королевство, и скажет: «Господин мой, я хотела преподнести тебе такой дар, который был бы тебя достоин...» И сразу же вскочила, заторопилась, позвала Крылатого и вновь устремилась в путь, но, когда она достиг-

ла наконец морского побережья, солнце уже село, и в небе зажглась Большая Звезда. С запада подул неприятный ветерок, холодный, порывистый, а Крылатый уже и без того смертельно устал, так что Семли позволила зверю опуститься на песок, и он сразу сложил крылья и свернулся клубком, поджав под себя свои пушистые, покрытые светлой шерстью лапы и довольно урча. Семли стояла рядом, одной рукой придерживая у горла плащ, а другой — нежно поглаживая крылатого кота, так что он прижал уши и замурыкал, точно домашняя кошка. Прикосновение к теплой шерсти зверя успокаивало, однако вокруг было лишь серое, покрытое клочьями облаков небо да серое море, вдоль которого тянулась темная полоска берега. Потом она разглядела, что по этой темной полоске скользнуло какое-то почти сливающееся по цвету с песком невысокое существо... потом еще одно... потом сразу несколько. Существа перебежали с места на место, то и дело останавливаясь и присаживаясь на корточки.

Семли громко окликнула их. Ей показалось сперва, что они ее не расслышали, однако через минуту они уже окружали ее плотным кольцом, хотя от Крылатого старались держаться подальше. Зверь, впрочем, тоже перестал мурлыкать, и Семли почувствовала, как под ее рукой шерсть у него на загривке встала дыбом. Она взяла его под уздцы — приятно было чувствовать, что у нее есть такой могучий защитник, но она опасалась, что свирепый зверь может разнервничаться, и тогда его не удержишь. Странные существа вокруг точно вросли в песок — стояли, не шевелясь, и молча ее разглядывали. Ноги у них были короткие, толстые. Нет, она не ошиблась: это были они, «глиняные», — одного роста с фийя, да и во всем остальном чем-то их напоминающие, как напоминает порой человека его неуклюжая черная тень. Семли вспомнила звонкие голоса и смех легконогих хрупких фийя... Эти же коротышки были какие-то квадратные, совсем нагие, малоподвижные, с прямыми черными волосами и отвратительной, влажной и ноздреватой кожей — похожие на жирных личинок. Глаза у них были застывшие, как камни.

— Это вы — «глиняные»?

— Мы народ гдемьяр, мы жители царства Ночи. — Из тьмы вместе с ветром и запахами моря до нее донесся неожиданно звучный и низкий голос; но, как и в деревне фийя, Семли не сразу поняла, кто именно сказал это.

— Приветствую вас, Хозяева Ночи. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. А к вам явилась в поисках своего наследства — ожерелья «Око моря», которое давным-давно кто-то похитил.

— Так почему же ты ищешь его здесь, женщина из народа ангьяр? Здесь ты найдешь только ночь, да песок, да соль морскую.

— А потому, — отвечала Семли, готовая к словесному поединку, — что вещи порой заваливаются в разные трещины и ямки, да и золото, как известно, частенько стремится снова вернуться в землю, из которой пришло. А еще говорят, что созданное всегда ищет своего создателя. — Она не слишком надеялась на удачу, однако ее уловка сработала.

— Ты права; мы знаем об «Оке моря». Это ожерелье когда-то сделано было в наших пещерах. Но потом мы продали его ангьяр. И синий камень добыт тоже гдемьяр — на востоке наших владений. Но только все это было очень, очень давно, ангья. И этих историй почти никто не помнит.

— Нельзя ли мне поговорить с теми, кто еще помнит их?

Коротышки примолкли, будто в сомнении. Ветер затягивал серой мглой песчаный берег и Большую Звезду в небесах; море звучало то громче, то тише. Снова послышался тот же надменный звучный голос:

— Да, госпожа моя. Ты можешь войти в наши подземные дворцы. Пойдем. — В голосе отчего-то появились странные вкрадчивые нотки, но Семли решила об этом не задумываться и смело пошла следом за «глиняными», ведя на короткой сворке крылатого зверя с острыми когтями.

Вход в пещеру зиял, точно беззубый рот зевнувшего старца; оттуда тянуло затхлым запахом жилья. Кто-то из гдемьяр сказал Семли:

— А летающего кота, госпожа моя, оставь здесь.

— Нет, он пойдет со мной, — возразила она.

— Нельзя! — хором сказали «глиняные».

— Можно. Здесь я его не оставлю. Не могу я его оставить — он не мой. И вас он не тронет, я ведь крепко его держу.

— Нельзя! — снова прогудели «глиняные»; потом кто-то из них сказал: — Ну ладно, как пожелаешь, — и гдемьяр снова двинулись вглубь пещеры. Казалось, пещера захлопнула свою пасть у них за спиной — так темно вдруг стало под этими каменными сводами. Семли шла последней, замыкая длинную вереницу гдемьяр, которые вели ее куда-то по длинному и узкому туннелю.

Наконец впереди забрезжил свет, и она увидела, что с потолка свисает белый, слабо светящийся шар, а дальше еще один, и еще, и между ними, извиваясь, точно черви, протянулись длинные черные шнуры. Чем дальше они шли, тем короче становились расстояния между светящимися шарами, и наконец весь туннель оказался залит белым холодным сиянием.

Провожатые Семли остановились на перекрестке трех туннелей, в конце каждого из которых виднелась дверь, сделанная, похоже, из железа.

— Здесь нужно подождать, ангья, — сказали «глиняные», и с ней остались восемь из них, а трое отперли одну из дверей и вошли внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Прямая и неподвижная, стояла дочь народа ангьяр в белом слепящем сиянии ламп; Крылатый прилег у ее ног, раздраженно подрагивая хвостом и сложенными крыльями: ему явно хотелось поскорее убраться отсюда, и он с трудом подавлял это желание. «Глиняные», присев на корточки у Семли за спиной, о чем-то тихо переговаривались на своем языке.

Но вот отворилась центральная из трех дверей, и оттуда донесся совсем иной голос, звучавший хвастливо-торжественно:

— Пусть эта ангья войдет в царство Ночи!

На пороге появился какой-то гдем, такой же низенький, жирный и серый, но все же прикрывший свою наготу неким подобием одежды. Он поманил Семли к себе:

— Войди же. Полюбуйся чудесами царства Ночи — нашими РУКОТВОРНЫМИ чудесами, ибо все это плоды усилий народа гдемьяр!

Семли пригнула голову, крепко держа Крылатого за повод, и последовала за гдемом в низенький дверной проем, рассчитанный явно на этих карликов. Перед ней открылся очередной длинный туннель, залитый белым светом, отражавшимся от его влажных стен. По полу тянулись, насколько мог видеть глаз, какие-то длинные металлические полосы, на которых стояло нечто вроде повозки с металлическими же колесами. Повинуясь своему новому провожатому и ни секунды не колеблясь, Семли с невозмутимым лицом шагнула в повозку, заставив Крылатого улечься в ногах. Гдем тоже сел в повозку напротив нее и стал трогать какие-то ручки и колеса, потом послышался громкий лязг и скрежет металла по металлу, и стены туннеля качнулись и стали уплывать назад. Все быстрее и быстрее мелькали стены по обе стороны от повозки, светящиеся шары над головой слились в одну сплошную полосу, вонючий застойный воздух взметнулся вихрем, сдувая с головы Семли капюшон.

Наконец повозка остановилась. Провожатый, а за ним и Семли поднялись по базальтовой лестнице в обширный вестибюль, а затем прошли в огромный зал, стены которого были высечены в толще скал то ли подземными водами за долгие годы, то ли бесчисленными поколениями гдемьяр. Эти стены никогда не знали солнечного света; тьму здесь разгоняли сияющие холодным белым светом шары. За вделанными в стены решетками вращались огромные лопасти, перемешивая затхлый воздух. Все пространство огромного зала, казалось, заполнено было каким-то гулом и скрежетом — громкими голосами

«глиняных», визгом вращающихся за решетками лопастей, рокотом каких-то колес, бесконечными отзвуками, разносящимися по замкнутому пространству и пересекающимися друг с другом. В этом зале все гдемьяр были одеты, причем одежда их очень напоминала одежду Властелинов Звезд: штаны, мягкие башмаки и куртки с капюшонами. А вот женщины, как заметила Семли, оставались совершенно нагими и суетливо, точно рабыни, пробежали мимо, стараясь поскорее убраться с глаз долой. Среди мужчин многие явно были воинами — на поясе они носили нечто похожее на то ужасное оружие Властелинов Звезд, что изрыгало молнии; потом только Семли догадалась, что оружие это не настоящее — из цельного куска железа, вроде детских игрушек. Все это она умудрилась разглядеть, даже головы не повернув. Потом ее снова куда-то повели, но и тогда она по сторонам не смотрела — шла, гордо вздернув подбородок, куда ведут. Наконец она увидела прямо перед собой нескольких гдемьяр с железными обручами на черноволосых головах. Ее провожатый резко остановился, поклонился им и зычно провозгласил:

— Их величества Правители народа гдемьяр!

Правителей было семеро, и они с таким высокомерием воззрились на Семли, что она чуть не рассмеялась. Однако, сдержавшись, сказала сурово, глядя в их серые, похожие на комковатое тесто физиономии:

— Я пришла к вам, о повелители царства Тьмы, в поисках пропавшей драгоценности, принадлежащей нашему семейству. А ищу я приобретенное еще моим предком Лейненом ожерелье «Око моря». — Голос ее звучал совсем слабо под этими каменными сводами.

— Так нам и сказали гонцы, госпожа Семли. — На этот раз она сразу поняла, кто говорит с ней: он был еще ниже остальных и макушкой едва доставал гостье до груди, но белое лицо его было исключительно властным и свирепым. — Но у нас нет того, что ты ищешь.

— Говорят, когда-то оно здесь было.

— Мало ли что говорят там, наверху, под слепящим солнцем.

— И слова эти сразу уносит ветер, поскольку там, наверху, всегда дуют ветры, так? Я же не спрашиваю, как именно это ожерелье было украдено у нас и возвращено вам, его создателям. Все это старые сказки, старые обиды. Я всего лишь хочу знать, где оно сейчас. У вас его сейчас нет, хорошо. Но, может быть, вы все-таки знаете, где оно?

— Здесь его нет.

— Значит, оно в другом месте?

— Туда тебе не добраться. Никогда. Если только мы тебе не поможем.

— Ну так помогите мне. Прошу вас — ведь я ваша гостья.

— Недаром говорят: «Ангьяр отбирают, фийя отдают, а гдемьяр — и то и другое делают одновременно». Если мы поможем тебе, чем ты с нами рассчитаешься?

— Я от всей души поблагодарю вас, повелители Ночи.

Она стояла среди них, высокая, светловолосая, и гдемьяр глядели на нее с мрачным изумлением, с тяжким глухим желанием.

— Послушай, ангья, ты просишь о великой милости. Ты даже представить себе не можешь, насколько велика эта милость! Этого тебе не понять. Твой народ только и умеет, что беспечно носиться по ветру да зерно выращивать, ну и еще на мечях драться и шуметь. Но скажи, кто сделал мечи ангьяр из светлой стали? Мы, гдемьяр! Правители ангьяр приходят к нашим пещерам, и покупают у нас мечи, и уходят прочь, не оглядываясь, ничего не понимая. Но ты, раз уж ты здесь, смотри и постарайся как следует рассмотреть хотя бы некоторые из наших бесчисленных чудес — видишь эти огни, что горят вечно, видишь эти повозки, что ездят сами собой? А посмотри на те машины, что сами изготавливают для нас платье, и готовят нам еду, и освежают воздух в наших дворцах, и дают нам все, что мы пожелаем! Конечно же, все это выше твоего понимания. Но знай одно: мы, гдемьяр, друзья тех, кого вы называете Властелинами Звезд! Это мы приходим с ними в Халлан, в Реоган, в Хал-Оррен — во все ваши замки, чтобы помочь вам понять их речь. Вы, гордые ангьяр, платите Властелинам Звезд дань, а мы — их друзья. И мы оказываем им не меньшие услуги, чем они нам! Понимаешь теперь, сколь мало значит для нас твоя благодарность?

— Вот сам и решай. А мне на твой вопрос отвечать нечего, — гордо сказала Семли. — Я еще на свой ответа не получила. Я жду, господин мой.

Семеро правителей принялись совещаться — то молча глядя друг на друга, то принимаясь что-то бормотать вполголоса. Порой они посматривали в ее сторону и тут же отводили глаза, злобно что-то бубнили и снова замирали, уставившись друг другу в лицо. Вокруг них стала собираться толпа; гдемьяр подходили один за другим, медленно, молча, и вскоре вокруг Семли качалось целое море черных, будто прилизанных голов; огромный зал наполнился гулом их голосов, под ногами не было видно пола — лишь небольшое пространство совсем рядом с нею оставалось еще свободным. Крылатый жался к ней, дрожа от страха и раздражения; ему пришлось слишком долго сдерживать себя, и даже радужки его всегда ярких глаз побледнели, как бывает у этих зверей, если их заставить летать ночью. Семли погладила его по мохнатой теплой голове, шепча:

— Тихо, тихо, успокойся, мой храбрый, мой прекрасный, мой быстролетный...

— Хорошо, ангья, мы доставим тебя туда, где находится твое ожерелье. — Гдем с белым свирепым лицом снова повернулся к ней. — Более мы ничего не можем для тебя сделать. Ты должна отправиться с нами и сама предъявить свои права там, где теперь твое сокровище, и тем, кто им теперь владеет. Но твой летающий кот отправиться с тобой не сможет, учти это.

— Далеко ли до тех мест, господин мой?

— Очень далеко, госпожа. — Гдем отвратительно ухмыльнулся. — И все же путь туда не займет более одной ночи. Долгой ночи!

— Благодарю вас, о гдемьяр! Позаботитесь ли вы, пока меня не будет, о моем Крылатом? С ним ничего плохого не случится?

— Он будет спать, пока ты не вернешься. А сама полетишь на другом Крылатом, куда больше этого! Что ж ты не спросишь, куда мы намерены тебя доставить?

— Нельзя ли поскорее отправиться в путь? — словно не слыша его, воскликнула Семли. — Я спешу вернуться домой.

— Да-да. Скоро полетим, скоро. — И снова серые губы раздвинулись в усмешке, когда он взглянул в ее взволнованное лицо.

Семли не сумела бы рассказать, что именно произошло с нею за эти несколько часов — так быстро, непонятно, неожиданно все происходило. И этот шум! Сперва она крепко держала Крылатого, а какой-то «глиняный» вонзил в его золотисто-полосатую заднюю лапу длинную иглу. Она чуть не вскрикнула от ужаса, но ее зверь лишь дернулся и тут же, довольно замурлыкав, уснул. Потом его унесли «глиняные», которым явно было страшно прикоснуться к пушистой шерсти спящего зверя. Еще через несколько минут она увидела, как в ее собственную руку тоже вонзается игла, потом решила, что гдемьяр просто испытывали ее мужество, ибо сна вроде бы не было ни в одном глазу (впрочем, она не была в этом так уж уверена). Потом они куда-то долго ехали, пересаживаясь из одной самодвижущейся повозки в другую, по бесконечным пещерам, по уходящим во тьму туннелям, и почему-то тьма эта была наполнена крылатыми зверями, она слышала их ворчание, их призывное хриплое мяуканье, порой даже видела их в проемельках белых фонарей и тогда понимала, что все они лишены крыльев и все слепы. И, увидев это, она даже зажмурилась от отвращения. Но езда по туннелям все продолжалась, мимо пролетали пещеры, серые тестообразные фигуры гдемьяр, их свирепые лица, слышались их гудящие голоса, и вдруг наконец они вывели ее на свежий воздух. Стояла ночь. Семли радостно подняла глаза к звездам и увидела в небе лишь одну луну — маленькую Хелики, всходящую на западе. Но «глиняные» по-прежнему были рядом, и они заставили ее снова вскарабкаться куда-то — то ли войти в пещеру, то ли сесть в очередную повозку, она толком не поняла. Там

было тесно, кругом мелькали, точно крохотные свечки, какие-то огоньки, показавшиеся ей странно яркими после бесчисленного множества огромных темных пещер и бескрайнего звездного неба. Потом ей снова вонзили в руку иглу и сказали, что сейчас привяжут ее к странному плоскому и длинному креслу за ноги и за руки.

— Ни за что! — сказала Семли.

Но тут увидела, что те четверо «глиняных», что были ее провожатыми, спокойно позволили привязать себя к таким же креслам. И подчинилась. Потом все остальные ушли. Послышался страшный рев, сменившийся полной тишиной, и на грудь Семли будто навалилась тяжелая плита. Потом вдруг стало легко дышать, и все исчезло.

— Я умерла? — спросила Семли.

— Нет, госпожа моя, — произнес знакомый ей неприятный голос, и, открыв глаза, она увидела то самое белое лицо и растянутые в усмешке губы. И глаза — точно два холодных камешка. Путы с нее сняли, и она тут же вскочила. Веса своего она не чувствовала, не чувствовала и самого тела — только страх, только дыхание ветра, вздымавшее ее как пушинку.

— Мы не причиним тебе зла, — сказал тот же высокомерный голос, точно умножаясь у нее в ушах. — Дай только коснуться тебя, госпожа, нам бы так хотелось коснуться твоих волос. Позволь нам...

Странная округлая повозка, в которой все они находились, чуть подрагивала. Снаружи, за ее окном, была темная ночь, а может, туман, а может — пустота? Одна долгая ночь — так ведь они сказали? Да, но какая долгая! Семли сидела без движения, с трудом сдерживаясь, а их тяжелые серые ладони касались ее рук, ступней, плеч и даже горла — и тут она не выдержала, стиснула зубы, чтобы не закричать, и встала. Они тут же отпрянули.

— Мы ведь не сделали тебе ничего плохого, госпожа, — забормотали они. Она только головой помотала.

Потом они весьма почтительно попросили ее снова лечь в кресло, которое само связало ей руки путами, и когда за окном мелькнул золотистый свет, она бы, наверное, заплакала, если б не потеряла сознание.

— Что ж, — сказал Роканнон, — по крайней мере, мы знаем, откуда она.

— Хорошо бы еще узнать, кто она, — пробормотал хранитель музея. — Эти троглодиты говорят, она явилась за каким-то нашим экспонатом, так вроде?

— Слушай, не называл бы ты их троглодитами, а? — Будучи специалистом в области форм высоко развитого интеллекта, этнологом

до глубины души, он такого пренебрежительного отношения к разумным существам не выносил. — Они, конечно, не красавцы, но они наши союзники и обладают Статусом С... Не понимаю, правда, почему Комиссия все силы бросила именно на них? При чем даже не исследовав все тамошние ФВИ? Пари держу, первые исследователи Фомальгаута были из созвездия Центавра — там питают слабость к обитателям пещер, да еще ведущим ночной образ жизни. Мне-то больше нравятся представители второй группы — такие, как она.

— А эти троглодиты, похоже, перед ней робеют.

— А ты нет?

Кето снова взглянул на высокую женщину, потом покраснел и рассмеялся:

— Пожалуй, да! Я такой красивой инопланетянки ни разу не встречал за все восемнадцать лет, что на Новой Южной Джорджии живу. Честно говоря, я и в жизни такой красавицы никогда не видел. Прямо богиня! — И он побагровел буквально до корней волос. Кето был чрезвычайно застенчив, громких высказываний и преувеличений не любил. Впрочем, Роканнон был полностью согласен с его оценкой и лишь задумчиво покивал.

— Вот бы поговорить с ней без этих тро... гдемьяр в качестве переводчиков. — Роканнон подошел к гостье и, когда она повернула к нему свое прекрасное лицо, низко-низко ей поклонился и преклонил перед ней колена, зажмурившись от полного восхищения. Этот изящный жест он называл «всегалактическим поклоном». Снова выпрямившись, он увидел, что удивительная красавица улыбается и готова к разговору.

— Она говорит: «Я приветствую тебя, Властелин Звезд», — пробурчал один из ее коротышек-телохранителей на ломаном межгалактическом.

— Приветствую тебя, госпожа моя ангья, — ответил Роканнон. — Чем мы, сотрудники музея, можем тебе помочь?

Серебристый звонкий голос прозвучал, точно дыхание чистого ветерка, перекрывая гудение голосов гдемьяр.

— Она говорит: пожалуйста, отдай ей ее ожерелье с драгоценным камнем, оно давно-давно принадлежало ее кровным родственникам, ее семье.

— Какое ожерелье? — спросил Роканнон, и Семли, догадавшись, о чем он ее спрашивает, показала на центральную витрину: там лежала удивительной красоты и отменно тонкой работы вещь — цепь из светлого золота, довольно массивная и тем не менее изящная, с подвеской, в которую вделан был один-единственный крупный

сапфир дивной красоты, похожий на синее пламя. Брови Роканнона поползли вверх, и Кето прошептал:

— Ничего себе! Вкус у нее недурной. Это же знаменитое «ожерелье Фомальгаута»!

Она улыбнулась им и снова что-то сказала, так ни разу и не взглянув на свою свиту.

— Она говорит, — забормотали гдемьяр, — о высокочтимые Властелины Звезд, старший хранитель Сокровищницы и его младший брат, что это ожерелье принадлежит ее семье с давних, давних времен.

— Слушай, Кето, откуда оно у нас, а?

— Погоди-ка, сейчас посмотрю. Ага, нашел. Вот: «поступило от гдемьяр...», в общем, от этих троглодитов или троллей, как тебе больше нравится, «...одержимых страстью к торговым сделкам». Видимо, так они расплатились за тот корабль, АД-4, на котором прилетели сюда. Когда-то гдемьяр действительно делали подобные украшения.

— И я спорить готов, что больше они ничего подобного не делают — разучились, ведь мы их по «индустриальному пути» направили, — покивал Роканнон.

— Но они вроде бы согласны с тем, что эта вещь принадлежит ей, а не им и не нам. Должно быть, тут что-то есть, Роканнон, иначе к чему им было лететь с ней в такую даль?

— Да уж, несколько лет как минимум они потеряли. — Будучи специалистом по ФВИ, Роканнон не раз совершал подобные «прыжки» во времени и пространстве. — Но, в общем, это не так уж и далеко. Ладно, ясно, что ни мой любимый словарь, ни твой каталог нам не помогут. По-моему, эти два народа — фийя и гдемьяр — вообще крайне плохо описаны и совсем не изучены. Возможно, эти коротышки просто обязаны проявлять к ангьяр почтение. А что, если именно этот проклятый сапфир послужит причиной галактической войны? Или эти типы настолько покорны желаниям красавицы, потому что страдают жутким комплексом неполноценности? Тоже возможно. А возможно и наоборот — она их пленница, и они хотят использовать ее как наживку, чтобы поймать нас на крючок... Откуда нам знать? Слушай, а вообще-то, разрешается передавать экспонаты их прежним владельцам?

— Конечно! Считается, что все эти экзотические штучки у нас во временном пользовании и нам не принадлежат, так что стоит только прежнему хозяину предъявить на что-либо свои права... Мы редко спорим. Мир дороже. Не дай бог, еще действительно война начнется...

— Тогда я бы отдал ожерелье этой красотке.

— Ну, такой подарок преподнести всякому приятно, — улыбнулся Кето. — Сочту за честь. — Он отпер витрину и вынул оттуда тя-

желую золотую цепь. Потом вдруг засмутился и протянул ожерелье Роканнону: — Знаешь, лучше ты сам отдай.

Так синий сапфир впервые коснулся ладони Роканнона.

Но думал он не о нем; держа в горсти драгоценный самоцвет, синим пламенем сиявший среди золотых колец цепи, он повернулся к прекрасной инопланетянке, и она не стала протягивать руку, чтобы взять ожерелье, а просто наклонила голову, и он, чуть коснувшись золотых волос, надел его ей на шею. На смуглой коже золотая цепь вспыхнула, точно бикфордов шнур. Семли посмотрела на камень и подняла глаза на Роканнона: во взгляде ее плеснулась такая гордость, такой восторг и такая благодарность, что Роканнон так и не смог ничего сказать, а его приятель, маленький Кето, хранитель музея, пробормотал на своем родном языке:

— Да-да, мы очень рады, очень-очень рады.

Она величественно кивнула своей золотистой головкой ему и Роканнону в знак благодарности и прощания, повернулась к своим квадратным коротконогим стражам — а может, пленителям? — и, накинув на плечи поношенный синий плащ, неторопливо прошла через огромный зал и исчезла за дверью. Кето и Роканнон долго смотрели ей вслед.

— А знаешь... — начал было Роканнон.

— Да? — не сразу откликнулся Кето, сразу почему-то охрипнув.

— Знаешь, порой мне кажется, что... особенно когда я встречаюсь с обитателями этих практически неведомых нам миров... что я случайно попал прямо в сказку или в какой-то исполненный трагизма миф, смысл которого мне разгадать не дано...

— Да, пожалуй, — помолчав, согласился Кето и откашлялся. — А интересно... интересно, как все-таки ее зовут?

Семли Светлокудрая, Семли Золотая, Хозяйка Ожерелья. «Глиняные» были покорны ее воле, и даже Властелины Звезд склонились перед нею — в том страшном месте, куда ее доставили «глиняные», в городе, что расположен по ту сторону Ночи. Да, они почтительно кланялись ей и охотно вернули ей ожерелье, что лежало среди их собственных сокровищ!

Однако в душе ее еще не улегся ужас тех подземелий, тех толстенных каменных сводов, где сливались все звуки, где невозможно разобрать, кто именно с тобой говорит, чьи отвратительные серые руки тянутся к тебе... Нет, с нее довольно! Она дорого заплатила за это ожерелье. Что ж, теперь оно принадлежит ей. А прошлое... пусть остается в прошлом!

Ее Крылатого гдемьяр держали в каком-то огромном странном сундуке, из которого зверь выполз весь в сосульках, с затянутыми

мутной пленкой глазами. А когда они вышли наконец из пещер, Крылатый ни за что не хотел взлетать. Впрочем, потом он вроде бы пришел в себя, и теперь они летели, подгоняемые легким южным ветерком, назад, в Халлан.

— Скорей, скорей! — подгоняла Крылатого Семли и смеялась, потому что ветер словно унес прочь тот мрак, что наполнял ее душу. — Я так соскучилась! Скорее бы увидеть Дурхала, скорее бы...

И они летели все быстрее и быстрее и уже к вечеру второго дня прибыли в Халлан. Теперь пещеры «глиняных» казались Семли давнишним страшным сном. Крылатый пронес ее над длинной, в тысячу ступеней лестницей замка, мелькнул над подъемным мостом, перекинутым через пропасть, на дне которой виднелись поросшие лесом скалы, и опустился в золотых закатных лучах на специальную площадку во дворе. Семли спешила и поднялась по последнему пролету лестницы, где в нишах застыли каменные изваяния героев, мимо двух стражников, которые кланялись ей, глаз не сводя с синего камня у нее на груди, горевшего нестерпимо ярким огнем.

В вестибюле она остановила пробежавшую мимо девушку, очень хорошенькую и, видимо, родственницу Дурхала — очень уж она была на него похожа. Вот только имени ее Семли почему-то никак не могла вспомнить.

— Знаешь, кто я, девочка? — спросила она. — Я Семли, жена Дурхала. Прошу тебя, сбегай к госпоже Дуроссе и скажи ей, что я вернулась.

Почему-то Семли боялась, что встретит Дурхала; боялась остаться с ним наедине. Ей требовалась поддержка доброй Дуроссы.

Девушка посмотрела на нее как-то странно, однако промолвила:

— Хорошо, госпожа моя, — и стрелой бросилась по лестнице, ведущей в Большую Башню.

Семли осталась ждать в зале, где от старости со стен осыпалась позолота. Но никто не появлялся. Неужели все собрались за столом в парадном зале? Тишина тяготила ее. Еще несколько минут — и Семли поспешила к лестнице, но тут навстречу ей выбежала какая-то седая старуха, которая, спотыкаясь на каменных плитах пола, с плачем протягивала к ней руки:

— Ах, Семли! Неужели это ты, Семли?

Она никогда раньше не видела этой старухи и отпрянула.

— Но, госпожа моя, кто ты?

— Я же Дуросса, Семли!

Семли молчала; она застыла, как каменная, пока Дуросса обнимала ее, плакала и спрашивала, правда ли, что ее взяли в плен «глиняные», заколдовали и все это время прятали у себя в пещерах? А мо-

жет, это фийя приворожили ее своим колдовством? Потом наконец Дуросса отпустила ее, отошла чуть-чуть в сторону и перестала плакать.

— А ты все такая же молодая, Семли! В точности как в тот день, когда уходила отсюда. Ох, и на шее у тебя то самое ожерелье!..

— Да. Я принесла его в дар своему мужу Дурхалу. Где он?

— Дурхал умер.

Семли онемела.

— Твой муж и мой брат Дурхал, правитель Халлана, убит в бою семь лет назад. Тебя ведь не было так долго, Семли! И Властелины Звезд больше здесь не появлялись. А потом мы начали воевать с Восточными Замками, с лесными ангьяр и с правителями Хал-Оррена. Дурхала убил копьём какой-то «низкорослый» — ведь доспехов у моего брата почти не было, а душа его ослабела в разлуке с тобой. Он похоронен в полях, над Болотами Оррена.

Семли отвернулась. Помолчала, коснулась рукой золотой цепи, от тяжести которой голова ее клонилась на грудь.

— Тогда я пойду к нему. И принесу ему этот дар.

— погоди, Семли! Посмотри на свою дочь, дочь Дурхала! Это ведь она перед тобой, Хальдре Прекрасная.

Перед ней стояла та самая девушка, с которой она заговорила в вестибюле и попросила позвать Дуроссу. На вид ей было лет девятнадцать, а глаза — темно-синие, как у Дурхала. Она не мигая смотрела на Семли — незнакомую женщину, которая оказалась ее матерью, хоть и выглядела почти ровесницей самой Хальдре. И волосы у обеих были одинаково золотые, и обе были прекрасны, только Семли чуть выше, да синий камень горел у нее на груди.

— Возьми же его, возьми! Для Дурхала и моей Хальдре я принесла его с того конца долгой-предолгой ночи! — воскликнула Семли, срывая с шеи тяжелую золотую цепь. Ожерелье выскользнуло у нее из рук и холодно зазвенело, ударившись о каменные плиты. — О, возьми его, Хальдре! — вскрикнула, точно от боли, Семли и, разрыдавшись, бросилась прочь из Халлана, по мосту и вниз по длинной широкой лестнице — стрелой, точно дикий зверь, спасающийся от преследования, пронеслась она по лесистому восточному склону горы и скрылась в чаще.

СОДЕРЖАНИЕ

МИР РОКАННОНА. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	5
ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ. <i>Перевод И. Гуровой</i>	127
ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ. <i>Перевод С. Славгородского</i>	223
ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	383
СЛОВО ДЛЯ «ЛЕСА» И «МИРА» ОДНО <i>Перевод И. Гуровой</i>	625
РЫБАК ИЗ ВНУТРИМОРЬЯ	
Король планеты Зима. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	725
Взросление в Кархайде. <i>Перевод Э. Раткевич</i>	750
Обширней и медлительней империй. <i>Перевод О. Васант</i>	769
История «шобиков». <i>Перевод А. Новикова</i>	804
Танцуня Ганам. <i>Перевод С. Трофимова</i>	830
Еще одна история, или Рыбак из Внутриморья <i>Перевод В. Старожильца</i>	867
Одиночество. <i>Перевод О. Васант</i>	908
Дело о Сеггри. <i>Перевод В. Старожильца</i>	940
Невыбранная любовь. <i>Перевод А. Новикова</i>	983
Законы гор. <i>Перевод В. Старожильца</i>	1001
День рождения мира. <i>Перевод Д. Смушковича</i>	1026

Ле Гуин У.

Л 38 Левая рука тьмы : романы, рассказы / Урсула Ле Гуин ; пер. с англ. О. Васант, И. Гуровой, А. Новикова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 1056 с.

ISBN 978-5-389-19474-8

Во вселенной Хайнского цикла Урсулы Ле Гуин Земля одна из многих колоний, созданных прогрессорами с планеты Хайн и на долгий срок оставленных без присмотра. Таких, как закрытый для контактов мир Роканнона. Или третья планета Гаммы Дракона, планета изгнания, с непримиримыми туземными племенами, ведущими борьбу с колонистами. Или планета Зима, где жизнь ее обитателей напрямую зависит от лунных циклов... В каждом мире свои загадки, свои проблемы, свои герои. Единственное связующее звено, которое объединяет произведения цикла, — вера автора в то, что не ненависть, а сила любви и этика невмешательства в дела непохожих цивилизаций способны сплотить миры и слить народы в будущий союз Экумены.

Большинство произведений, входящих в цикл, лауреаты «Хьюго», «Небьюлы» и других престижных премий в области фантастики.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Елена Терскова,
Мargarита Ахметова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.04.2021. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 85,8.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MFD-28231-01-R